Ганс Христиан Андерсен

Дриада

Отправляемся в Париж, на выставку!
Вот мы и там! То-то была поездка — настоящий полет, и без малейшей примеси колдовства: пар мчал нас и по морю и по суше.
Мы живем в сказочное время!
Теперь мы в центре Парижа, в большом отеле. Лестница вся уставлена цветами, устлана мягкими коврами. Номер наш очень удобен, уютен; дверь на балкон, выходящий на большую площадь, отворена. На площади уже весна; она прибыла в Париж одновременно с нами, в лице пышного молодого каштанового дерева с только что распустившейся нежной листвой. Оно опередило своим роскошным весенним нарядом все остальные деревья на площади! Одно из них уже вычеркнуто из числа живых и лежит на земле, вырванное с корнями. На его-то место и хотят посадить свежее каштановое деревце.
Пока же оно возвышается на телеге, привезшей его в Париж из далекой окрестности. Там оно росло годы рядом с могучим дубом, под которым часто присаживался славный старый священник. Ребятишки обступали его толпою, и он вел с ними беседу. Прислушивалось к его речам и молодое каштановое деревце. Дриада, обитавшая в нем, тоже ведь была еще ребенком. Она еще живо помнила время, когда деревце было совсем маленьким, таким маленьким, что чуть только выглядывало из высокой травы и папоротников. Но те-то уж выше стать не могли, деревце же все росло да росло год от году, впивая в себя воздух и солнечный свет, росу и дождь и получая, как водится, время от времени встрепки от буйного ветра, — это уж входило в программу воспитания. Дриада жила и наслаждалась жизнью, солнышком, пением птичек, но больше всего человеческим голосом; она понимала речь человека так же хорошо, как и речи животных и птиц.
Бабочки, стрекозы, мухи и вся остальная летучая компания часто являлись к ней с визитом. Все они болтали без умолку, рассказывали о деревнях, о виноградниках, о лесах, о старом замке и парке, о его каналах и прудах. В этих прудах также жили разные живые создания, которые могли перелетать с место на место — только по-своему, под водою. Создания эти были очень разумны, рассудительны и от большого ума даже не говорили ничего.
Морская же ласточка, нырявшая в воду, рассказывала Дриаде о хорошеньких золотых рыбках, о жирных лещах, толстых линях и старых обросших мхом карасях. Ласточка отлично описывала, но видеть все своими глазами все же куда лучше, прибавляла она. Да как же устроить это?! Дриаде приходилось довольствоваться зрелищем расстилавшейся перед нею роскошной равнины да прислушиваться к суете и шуму человеческой жизни издали.
И Дриада наслаждалась и тем, и другим, но больше всего любила слушать рассказы старого священника о Франции, о славных деяниях героев и героинь, чьи имена благоговейно передаются из поколения в поколение.
Дриада слушала о пастушке Жанне Д'Арк, о Шарлоте Корде, о старине, о Генрихе IV, о Наполеоне Первом и его времени, о былом и настоящем величии родины. Она слышала все эти славные имена, говорившие сердцу народа: «Франция — мировая страна, родина пытливого ума, очаг свободы!»
Деревенские ребятишки благоговейно внимали этим рассказам, Дриада тоже. И она училась наравне с прочими детьми. Плывущие по небу облака рисовали ей картину за картиной — иллюстрации ко всему слышанному ей. Облачное небо было для нее любимой книжкой с картинками.
Она чувствовала себя такой счастливой в своей прекрасной Франции, но чувствовала также, что любая птичка, любое крылатое существо куда счастливее ее! Даже мухе дано видеть на белом свете куда больше, чем ей!

Франция обширна и прекрасна, а Дриаде суждено видеть лишь крошечную часть этой чудной страны, широко раскинувшей по лицу земли свои виноградники, леса и большие города. Самым лучшим, великолепнейшим из них был Париж, и птички могли в нем побывать, Дриада же — никогда!

Среди деревенских ребятишек была одна маленькая бедная, оборванная девочка, красавица собою. Она вечно пела, вечно смеялась и вплетала в свои черные кудри красные цветочки.

— Смотри, не забирайся в Париж! — говаривал ей старый священник. — Бедное дитя, ты пропадешь там!

Но она все-таки отправилась в Париж.

Дриада часто вспоминала о ней: и ее тоже тянуло, неудержимо влекло в этот огромный город. Прошли весна, лето, осень, зима; прошло два-три года.

Каштановое деревце впервые надело убор из нежных цветов, и птички наперерыв щебетали об этом друг другу; солнышко так и сияло. Вдруг на дороге показалась великолепная коляска; в ней сидела знатная дама, сама правившая красивыми быстроногими конями. Разодетый мальчик-жокей сидел позади. Дриада сразу признала молодую даму, старый священник тоже и печально покачал головой:

— Ты все-таки попала туда и погибла, бедняжка Мария! «Бедняжка? — недоумевала Дриада. — Такое превращение! Она одета, как герцогиня! Вот что случилось с ней в этом волшебном городе! Ах, если бы и мне побывать там, насладиться его роскошью и блеском! Блеск его отражается даже на вечерних облаках! Я часто смотрю в ту сторону, где, знаю, находится Париж, и вижу на небе светлое сияние!»

Да, туда, в ту сторону Дриада смотрела каждый вечер, каждую ночь — на горизонте расстилался какой-то светящийся туман. Как она скучала о нем в светлые, безоблачные, лунные ночи! Как скучала она тогда и о бегущих облаках, показывавших ей из жизни и истории города картину за картиной!

Дитя жадно хватается за свою книжку с картинками, Дриада хваталась за облачное небо, где отражались ее мечты.

Чистое, безоблачное летнее небо было для нее белой страницей, и вот уже несколько дней, как оно оставалось таким. Стояли жаркие летние дни, без малейшей прохлады; листья и цветы охватила какая-то истома; людей тоже.

Но вот на небе собрались облака и как раз в той стороне, где сияющий туман говорил о Париже. Облака поднялись, образуя какие-то причудливые горные цепи, загромоздили все небо, нависли над всем видимым Дриаде горизонтом. И вот из этих гигантских темно-синих облачных скал вырвались лучи молнии, «тоже слуги Божий», как называл их старый священник. Голубая, ослепительная, как солнце, молния ударила в старый могучий дуб, проникла до самых его корней и расколола его пополам. Вершина и ствол дерева раздвоились и рухнули на землю, словно принимая посланницу света в свои объятия.

Громче, сильнее пушечного выстрела, приветствующего рождение принца, потряс воздух и разнесся по всей окрестности удар грома, возвестивший кончину старого дуба. Полил дождь, подул свежий ветер, буря пронеслась, и вся природа опять засияла в праздничном блеске. Деревенские жители окружили поверженный дуб; старый священник почтил его словом, один художник срисовал его на память для потомства.

— Все сменяется, проносится, как облако, и никогда не возвращается назад! — сказала Дриада.

Не возвращался сюда и старый священник: школьной кровли и кафедры его больше не существовало. Ребятишки тоже перестали приходить сюда, зато пришла осень, за нею зима, а там и опять весна. Времена года сменялись, а Дриада все смотрела в одну сторону — в ту, где каждый

вечер, каждую ночь стояло над Парижем сияющее туманное облако. Из столицы и в столицу мчались, свистя и пыхтя, паровоз за паровозом, поезд за поездом, мчались беспрерывно — и утром, и днем, и вечером, день-деньской; в одни входили, из других выходили толпы людей, высланных сюда всеми странами мира, — всех манило в Париж новое чудо света.
Какое же?
«На бесплодном песчаном Марсовом поле, — говорили одни, — распустился роскошный цветок искусства и промышленности, гигантский подсолнечник, и по лепесткам его можно изучить географию, статистику и всякую механику, искусство и поэзию, познать величину и величие всех стран света!» — «На Марсовом поле, — говорили другие, — вырос сказочный цветок, пестрый лотос, распустивший над песком свои зеленые листья, словно бархатные ковры; распустился он ранней весной, летом достигнет апогея своей красоты, а осенью ветер развеет его лепестки, и от него не останется и следа!»
Перед Военным училищем расстилается боевая арена мирного времени, поле без травы, словно вырезанное из песчаной африканской пустыни, где Фата-Моргана показывает свои диковинные воздушные замки и висячие сады. Такие же замки и сады пленяют ныне взоры и на Марсовом поле, только здесь они, пожалуй, еще богаче, еще диковиннее: благодаря гению человеческой изобретательности они стали действительностью!
«На Марсовом поле, — шел говор, — воздвигнут современный дворец Алладина и день ото дня, час от часу развертывает взорам все новые и новые красоты. Стены обширных покоев выложены мрамором, пестреют красками. В огромной круглой зале работает своими стальными и железными мускулами мастер Бескровный. Чудеса искусств из металла, из камня, художественно выполненные ткани говорят о духовной жизни различных стран мира. Картинные галереи, роскошные цветники — все, что только могут создать ум и руки человеческие, собрано и выставлено здесь напоказ, не забыты даже памятники седой древности, извлеченные из старинных замков, из древних торфяных болот. »
Но, чтобы объять взглядом, охватить эту пеструю, подавляюще грандиозную панораму в целом и описать ее, нужно сжать, уменьшить ее до игрушечных размеров.
Да, на Марсовом поле, словно на гигантском игрушечном столе, под елкой, красовался замок Алладина, воздвигнутый соединенными усилиями искусства и промышленности, а вокруг замка были расставлены диковинные и величественные безделушки из всех стран мира; каждая национальность могла унести отсюда воспоминание о своей родине.
Тут возвышался египетский дворец, там караван-сарай пустыни, мимо которого проносился на верблюде житель знойной степи, бедуин, здесь шли русские конюшни с огненными, великолепными конями, там ютилось крытое соломой жилище датского крестьянина с развевающимся Данеброгом на крыше, а рядом великолепный, деревянный, изукрашенный резьбою далекарлийский дом Густава Вазы. Американские хижины, английские коттеджи, французские павильоны, турецкие киоски, всевозможные церкви и театры были прихотливо разбросаны по свежей, покрытой дерном площади, где журчала вода, росли цветущие кусты, редкие породы деревьев, помещались оранжереи, сразу переносившие посетителей в тропические леса, раскинулись под навесами целые сады роз, словно перенесенные сюда из Дамаска. Какое разнообразие красок, какое благоухание!
В искусственные сталактитовые пещеры были вделаны гигантских размеров аквариумы, одни с пресной, другие с соленой водой. Тут зритель попадал в царство рыб и полипов, как будто опускался на дно морское!
Так вот что представляло теперь, по рассказам, Марсово поле, и по этому-то празднично убранному пиршественному столу двигались, словно мириады муравьев, несметные толпы людей

пешком или в ручных креслах — не всякие ноги могут ведь выдержать такое странствие!
Люди наводняли выставку с раннего утра и до позднего вечера. По Сене скользили пароход за пароходом, переполненные пассажирами, вереницы экипажей на улицах все увеличивались, пеших и верховых все прибывало; омнибусы и дилижансы были набиты битком, унизаны людьми сплошь. И все это двигалось по одному направлению, к одной цели — к парижской выставке! Над всеми входами развевались французские флаги, а над «всемирным базаром» — флаги различных наций. Свист и шум машин, мелодичный звон башенных колоколов, гул церковных органов, хриплое, гнусливое пение, вырывавшееся из восточных кофеен, — все сливалось вместе! Настоящее вавилонское смешение языков!
Вот что говорили, вот как описывали «новое чудо света». Кто не слыхал о нем? Дриада тоже слышала, знала все, что говорилось о новом чуде в городе городов.
«О, летите же туда, птички, летите, а вернувшись назад, — расскажите мне обо всем!» — молила Дриада.
Смутное влечение выросло в безумное желание, в заветную мечту: «в Париж, в Париж!» И вот однажды, среди безмолвной тишины лунной ночи, из полного диска луны вылетела искра, скатилась по небу, словно падающая звездочка, и перед деревом, ветви которого заколыхались, словно от бурного порыва ветра, предстало светлое величественное видение. Раздались звуки, такие нежные, ласкающие и в то же время мощные, как трубные звуки в день Страшного суда, пробуждающие к жизни и призывающие на суд мертвецов:
«Ты попадешь в этот волшебный город, пустишь там корни, познакомишься с его воздухом и солнечным светом. Но жизнь твоя сократится, длинный ряд годов, ожидавших тебя здесь, на воле, сократится в дни. Бедная Дриада, ты пропадешь там! Твоя тоска, твои желания будут все расти! Само дерево твое станет для тебя темницей, ты захочешь покинуть свою оболочку, отказаться от своей природы, вмешаться в толпу людей, и тогда годы твоего существования сократятся в полжизни мухи-поденки, твоя жизнь продолжится всего лишь одну ночь! А затем ты угаснешь, листья твоего дерева завянут, развеются по ветру и никогда уже не возродятся к жизни!»
Звуки смолкли, видение исчезло, но тоска и желание Дриады не исчезли; она вся трепетала от ожидания, как в лихорадке.
— Я попаду туда, в этот город городов! — ликовала она. — Для меня начнется новая жизнь! Она будет расти, нестись, как облако, неведомо куда!
На заре, когда месяц побледнел и облака заалели, пробил час исполнения ее желания — обещанное сбылось.
Явились люди с заступами и железными ломами и принялись выкапывать дерево; затем подъехала телега, запряженная лошадьми; дерево, со всеми его корнями и приставшей к ним землею, подняли, закутали корни в рогожи, словно в теплый ножной мешок, затем взвалили деревце на телегу и крепко привязали. Судьба назначила ему расти в великой столице Франции, в городе городов.
Телега двинулась, ветви и листья каштана задрожали, сама Дриада вся затрепетала от сладостного ожидания.
«В путь! В путь!» — слышалось ей в каждом биении пульса. «В путь! В путь!» — лепетала она дрожащим голосом и даже забыла проститься с родиной, с высокой колеблющейся травой, с невинными ромашками, смотревшими на нее как на важную особу в саду Господнем, как на юную принцессу, которая разыгрывала тут, на лоне природы, простую пастушку.
Каштановое дерево кивало с телеги ветвями, как бы говоря: «Прощайте, прощайте!» или «В путь, в путь!» — что именно, Дриада сама не знала. Она была полна одной мыслью, одной мечтой об ожидавших ее новых чудесах — новых и в то же время столь знакомых! Ни один ребенок в

невинной радости сердца, ни одна пылкая человеческая натура в порыве чувственности не предавались таким радужным мечтам, как Дриада на пути в Париж.
И вместо «прости» губы ее шептали: «В путь! в путь!»
Колеса вертелись, телега продвигалась вперед, даль приближалась, затем оставалась позади; окрестности менялись, как меняются облака. Виноградники, леса, деревушки, виллы и сады выступали и пробегали мимо. Каштановое деревце все продвигалось вперед, а с ним и Дриада. Поезд за поездом пролетали мимо друг друга, скрещивали свои пути; паровозы выпускали облака дыма, принимавшие причудливые очертания и рисовавшие Дриаде картины Парижа, откуда неслись поезда и куда стремилась она.
Все вокруг как будто знало, должно было понимать, куда лежит ее путь, и ей казалось, что каждое встречное дерево протягивает к ней ветви с мольбою: «Возьми и меня с собой!» В каждом деревце ведь тоже жила Дриада, обуреваемая такою же страстной тоской!
Но какая быстрая смена картин! Какая пестрота! Дома словно вырастали из-под земли, становились все многочисленнее, все теснее жались друг к другу. Дымовые трубы вздымались на крышах одна возле другой, одна над другой, как цветочные горшки; огромные надписи, выведенные аршинными буквами, покрывали стены домов от самого фундамента до крыши.
«Где же начинается Париж, когда же я попаду туда?» — спрашивала себя Дриада. А толпы народа все росли, движение и суета все увеличивались, экипаж следовал за экипажем, пешие сменяли всадников, справа и слева тянулись ряды магазинов, со всех сторон слышались музыка, пение, говор, крик!..
Тяжелая телега остановилась на маленькой площади, обсаженной деревьями, окруженной высокими домами, с балкончиками у каждого окна. На балкончиках стояли люди и любовались вновь привезенным молодым свежим каштановым деревом, которое должно было заменить старое, засохшее, валявшееся на земле. Прохожие останавливались и с довольной улыбкой смотрели на весеннюю зелень деревца; старые деревья, еще не успевшие развернуть почек, кивали ему ветвями и шумели: «Добро пожаловать! Добро пожаловать!» А фонтан, выбрасывавший в воздух свои струи, ниспадавшие затем в широкий бассейн, оросил нового гостя брызгами, словно желая поднести ему на новоселье заздравный кубок.
Дриада чувствовала, как ее дерево подняли с телеги и посадили в приготовленную яму. Корни дерева закопали в землю, прикрыли сверху свежим дерном, кругом же рассадили цветущие кусты и цветы в горшках, так что по середине площади образовалась целая цветочная клумба. Мертвое выдернутое дерево, задушенное газовыми, кухонными и другими испарениями, насыщавшими губительный для растений городской воздух, было взвалено на телегу и увезено. Толпа глазела на это зрелище; дети и старики, сидевшие на скамеечках в тени, смотрели вверх на свежую листву нового деревца. Мы же, стоя на балконе и любуясь на юную весну, прибывшую сюда из деревенского приволья, сказали, что сказал бы на нашем месте и старый священник: «Бедная Дриада!»
— Я счастлива! Счастлива! — твердила между тем она. — Но я не могу хорошенько понять, не могу высказать того, что чувствую! Все здесь так, как я думала, и все-таки как-то не так!
Высокие-высокие дома как-то уж очень близко подступали к ней; солнышко падало только на одну стену, и та была вся залеплена разными объявлениями и афишами, собиравшими перед собою толпы народа. Мимо проезжали экипажи всех сортов — и тяжелые, и легкие. Омнибусы, эти переполненные людьми движущиеся дома, мчались по мостовой, верховые стремились обогнать их, тележки и фиакры добивались того же.
— Ах, да скоро ли, — волновалась Дриада, — и эти высокие дома, обступающие площадь, догадаются сдвинуться с места, изменят очертания, как облака, и дадут мне заглянуть в самое

сердце Парижа, дадут мне весь охватить его взором! Пусть покажется мне собор Богоматери, Вандомская колонна и то чудо света, которое вызвало и вызывает сюда эти толпы иностранцев!
Но дома и не думали двигаться с места.
Вечер еще не настал, а на площади уже зажглись фонари, в магазинах заблестели газовые рожки, бросая яркий отблеск на ветви дерева, — словно опять взошло красное солнышко! На небе проглянули звездочки, те самые, которые Дриада видела у себя на родине; ей даже показалось, что на нее повеяло воздухом оттуда — чистым, мягким воздухом полей. И Дриада точно воспрянула духом, силы ее как будто удвоились, сила зрения сообщилась каждому листочку дерева, каждый корешок как будто обрел чувствительность. Она чувствовала на себе ласковые взгляды, внимала говору, звукам, любовалась всем этим блеском и пестротою!..
Из боковой улицы доносились до нее звуки духовых инструментов и плясовые мотивы шарманок, призывавшие к танцам, к веселью, к наслаждению жизнью!
Под эту музыку должны были бы, кажется, заплясать все люди, лошади, кареты, деревья и дома!
Опьяняющее чувство радости охватило Дриаду.
— Как хорошо здесь! Как я счастлива! — ликовала она. — Я в Париже!
Следующий день, и следующая ночь, и последующие за тем день и ночь не принесли с собою Дриаде ничего нового: вокруг то же зрелище, то же движение, та же пестрая, разнообразная и вместе с тем однообразная жизнь!
«Теперь я знаю тут, на площади, каждое дерево, каждый цветок, каждый дом, каждый балкон и магазин! Меня засадили в такой маленький, тесный уголок, что я совсем не вижу исполинского Парижа. Где же триумфальные арки, бульвары, где чудо света? Ничего этого я не вижу! Я сижу между этими огромными домами, словно в клетке! Я знаю наизусть все эти надписи, афиши и вывески, все это уже набило мне оскомину! Где же то, о чем я слышала, знала, тосковала, к чему рвалась? Что же я нашла тут, чего добилась? Я тоскую по-прежнему! Я чувствую вокруг себя какую-то иную жизнь, хочу схватиться за нее, слиться с нею! Я хочу вмешаться в толпу людей, порхать птичкою, видеть, ощущать все, стать вполне человеком! Я готова променять на полжизни мухи-поденки годы такой тянущейся изо дня в день, скучной, вялой жизни! Я изнываю, хирею, таю от нее, как туман! Я хочу сиять в лучах солнца, глядеть на все с высоты, скользить, нестись неведомо куда — как облако!»
И вздохи Дриады перешли в пламенную мольбу:
«О, возьмите годы моей жизни, дайте мне полжизни мухи-поденки, но только откройте мою темницу! Дайте мне пожить человеческой жизнью, насладиться человеческим счастьем хоть один только миг, одну эту ночь, а там карайте меня за мою смелость, за мою жажду жизни, сотрите меня с лица земли! Пусть моя оболочка, мое свежее, зеленое деревце завянет, пусть его срубят, превратят в пепел, развеют по ветру!»
И листва дерева зашелестела, затрепетала вся до последнего листочка, как будто по дереву пробежала дрожь или огненная струя. Вершина его заколыхалась в бурном порыве, раскрылась, и оттуда взвился в воздух женский образ — сама Дриада. Мгновение — и она очутилась под освещенными газом густолиственными ветвями дерева, такая же юная, прекрасная, как бедняжка Мария, которой священник предрекал гибель в Париже.
Дриада сидела у подножия своего дерева, у дверей своего дома, — она сама заперла их на ключ, и ключ этот забросила! Как она была молода, прелестна! Звезды мигали ей, газовые фонари блестели и манили ее вдаль! Она была нежна, гибка, воздушна и в то же время полна сил: дитя и в то же время вполне сложившаяся женщина. На ней было тонкое шелковое платье цвета нежных, свежих светло-зеленых листьев каштана; в темно-каштановых волосах красовался полураспустившийся цветок родного деревца; она смотрелась самою богиней весны!

С минуту она сидела неподвижно, затем вскочила и с быстротой газели кинулась вперед, завернула за угол, неслась, летела, перебегала с места на место, быстрая, неуловимая, как солнечный зайчик, наводимый зеркалом.
Если бы можно было проследить, подметить все ее движения! Какое открылось бы удивительное зрелище! Облик ее, все ее одеяние менялись ежеминутно, принимали новые очертания и краски — сообразно месту, на котором она приостанавливалась хоть на мгновение, или падавшему на нее из окон домов свету.
Вот она на бульваре; от уличных фонарей и от газовых рожков в магазинах и кофейнях лились потоки света. Вдоль тротуаров тянулись ряды молодых и стройных деревьев; каждое скрывало от лучей искусственного света свою Дриаду. Весь бесконечно длинный тротуар представлял как будто одну сплошную залу, заставленную столами со всевозможными прохладительными напитками — от шампанского и шартреза до кофе и пива. На окнах магазинов красовались настоящие выставки цветов, картин, статуй, книг и пестрых тканей.
Насмотревшись на толпу, сновавшую около домов, Дриада устремила взор на ужасающий поток, струившийся между двумя рядами деревьев. Там неслась как будто целая река карет, кабриолетов, колясок, омнибусов, фиакров, всадников и марширующих солдат. Вздумать пробраться сквозь этот бешеный поток — значило бы рисковать жизнью. Вот замелькали какие-то голубоватые огоньки, потом опять все утонуло в море газового света, и вдруг взвилась ракета!.. Откуда? Куда?
Так вот где расстилалась широкая столбовая дорога города городов!
С одной стороны звучала нежная итальянская мелодия, с другой — испанский мотив, сопровождаемый позвякиванием кастаньет; но громче, оглушительнее всего раздавались модные шарманочные мотивы, звуки этой щекочущей нервы, канканной музыки, которой и не знавал Орфей, никогда и не слыхивала прекрасная Елена, но под которую впору было заплясать на своем единственном колесе даже старой тачке, умей она только плясать! И Дриада плясала, кружилась, порхала, меняя цвета и краски, как колибри под лучами солнца, — она ведь воспринимала отражение от каждого дома и его внутреннего мирка. Она неслась вперед, как сияющий цветок лотоса, оторванный от стебля и увлекаемый течением; стоило же ей приостановиться — она принимала новый образ. Кто мог уследить за нею, разглядеть ее?
Все проносилось мимо нее, как облачные картины. Одно за другим мелькали перед нею лица, но хоть бы одно знакомое, родное! А в ее памяти ярко сияла пара очей: она вспоминала Марию, бедняжку Марию, оборванную, веселую девочку с красным цветком в черных кудрях. Она ведь жила тут же, в этом мировом городе, богатая, сияющая, как тогда, когда проезжала мимо дома священника, мимо дерева Дриады и старого дуба.
Она, наверно, здесь, среди этого оглушительного водоворота; может быть, только что вышла вон из той роскошной коляски, остановившейся возле ограды, перед которой уже стоял целый ряд великолепных экипажей с кучерами в галунах и лакеями в шелковых чулках. Выходили из карет все одни разодетые дамы, которые затем проходили в открытые решетчатые ворота, подымались по высокой, широкой лестнице и вступали в величественное здание с белыми, как мрамор, колоннами. Не это ли и есть чудо света? Если да, то Мария наверно там!
Изнутри здания доносилось пение: «Sancta Maria!» (Пресвятая Дева Мария.); из-под высоких расписанных и вызолоченных сводов, под которыми царствовал полумрак, струился благоуханный дым ладана.
Это была церковь св. Магдалины. По блестящему каменному полу скользили знатные светские дамы в дорогих черных платьях, сшитых по последней моде. На серебряных застежках переплетенных в бархат молитвенников красовались гербы, на раздушенных тонких носовых платках, обшитых драгоценными брюссельскими кружевами, — тоже. Некоторые из дам

преклоняли в тихой молитве колени перед алтарями, другие направлялись к исповедальням. Дриаду охватило не то волнение, не то страх, словно она попала в такое место, куда не смела входить. Здесь царствовали тишина, таинственный полумрак, слышался лишь тихий шепот исповедавшихся.

Дриада увидела на себе такой же богатый наряд из шелка и кружев, такую же вуаль, в каких были и все другие дамы, представительницы роскоши и знати. Не были ли и они все сестрами Дриады по охватывавшей ее страстной тоске и жажде наслаждений?

Послышался глубокий, скорбный вздох. Вырвался ли он из укромного уголка исповедальни или из груди самой Дриады? Она плотнее окутала лицо вуалью...

Нет, здесь ей приходится дышать кадильным дымом, а не свежим воздухом, — не сюда влекли ее желания! Дальше, дальше, вперед, без конца, без отдыха! Муха-поденка не знает отдыха, вся жизнь ее — один полет, одно порханье!

Она опять очутилась на залитой газовыми лучами площади, у великолепного фонтана. «Но все эти струи не в силах смыть невинной крови, пролитой на этом месте!» — произнес кто-то неподалеку от Дриады.

На площади собралась толпа иностранцев; шел громкий, живой разговор. Так не смели говорить там, в той таинственной полутемной обители, откуда только что вышла Дриада.

Вот приподняли и отвернули одну из огромных плит тротуара. Дриада пришла в недоумение: она видела, что под плитой открывался спуск в какое-то подземелье. Но вот иностранцы стали спускаться туда один за другим, расставаясь с звездным небом, ярким, как солнце, пламенем газовых рожков и кипящей вокруг жизнью.

— Нет, я боюсь! — сказала одна из дам. — Я не решаюсь спуститься туда! Да меня и не интересуют эти подземные прелести! Оставайся и ты со мною!

— Как? Уехать домой, оставить Париж, не увидав самого замечательного, настоящего чуда нашего времени, созданного умом и волею одного человека? — сказал муж дамы.

— Ну, а я все-таки не спущусь! — повторила она. «Чудо нашего времени!» Дриада слышала эти слова и поняла их по-своему. Так цель ее страстных желаний — перед нею!

Собственно говоря, перед нею открывался спуск в глубину, в подземный Париж; не так она представляла себе «чудо», но иностранцы отправились искать его в подземелье, и она последовала за ними.

Железная витая лестница была широка и удобна. Спуск озарялся лампой; внизу, в глубине, светилась другая. И вот путники очутились в лабиринте бесконечно длинных перекрещивающихся сводчатых коридоров. Здесь видны были, словно в матовом зеркале, все парижские улицы и переулки; на углах можно было прочесть их названия; каждый дом имел здесь свой номер, основания домов как будто врастали в эти пустынные мощеные панели, сжимавшие, как в тисках, широкий канал, в котором быстро струилась жидкая грязь. Повыше, по трубам, протекала свежая вода, а в самом верху шла сеть газовых труб и телеграфных проводов. Лампы были разбросаны на больших расстояниях друг от друга и смахивали скорее на отражения фонарей верхнего города. Иногда оттуда доносился глухой грохот; это проезжали над подземными люками тяжелые дроги.

Куда же попала Дриада?

Вы, конечно, слышали о римских катакомбах? Парижские катакомбы имели с ними лишь слабое сходство, да и это исчезло с преобразованием этого подземного мира в «чудо нашего времени» — в «клоаки Парижа». Вот куда попала Дриада, а вовсе не на Марсово поле, не на всемирную выставку. Вокруг нее раздавались возгласы удивления и глубокой признательности.

«Вот отчего, — услышала Дриада, — зависит жизнь и здоровье тысяч и тысяч живущих наверху! Да, наше время — время благодетельного прогресса!»

Вот как судили и рядили люди, но совсем иначе относились к делу искони обитавшие здесь твари — крысы. Эти пищали из щели старой стены так громко, ясно и понятно для Дриады.
Большая старая крыса мужского пола, с откушенным хвостом, пронзительно излагала свои ощущения, горькие впечатления и единственно верное мнение, и все члены ее семьи выражали одобрение каждому ее слову.
— Меня просто тошнит от этого человеческого мяуканья, этих невежественных речей! Как же, отлично здесь стало: теперь тут и газ, и керосин! Да я не ем ни того, ни другого! Здесь стало до того чисто и светло, что просто самого себя стыдно, а почему — и сам не знаешь! То-то опять зажили бы мы при сальных свечках! А ведь это время не так-то еще давно миновало! То была эпоха романтизма, как говорится.
— Что ты толкуешь? — спросила Дриада. — Я тебя никогда не видела раньше. О чем ты говоришь?
— О добрых старых временах! — сказала крыса. — О тех блаженных временах, когда еще здравствовали наши прадедушки и прабабушки — крысы! В те времена спуститься сюда было не шуткой! Тут было настоящее крысиное царство, не то что верхний Париж! Здесь жила сама матушка чума; она убивала людей, но крыс не трогала. Ворам и контрабандистам была тут вольная дорога; здесь только они вздыхали свободно, и тут было убежище интереснейших лиц, каких теперь увидишь разве лишь в мелодрамах. Да, эпоха романтизма миновала и для нашего крысиного гнезда! И у нас завелся свежий воздух и керосин!
Вот как пищала крыса, поносила наше время и восхваляла старое вместе с матушкой чумой.
Подъехала каретка, вроде омнибуса, запряженная быстрыми маленькими лошадками. Путники уселись в нее и поехали по Севастопольскому бульвару, т. е. по подземному коридору, тянувшемуся под многолюдным, известным всему миру, бульваром того же названия, что был наверху.
Каретка исчезла в полумраке; Дриада тоже исчезла, поднялась на вольный воздух и свет. Тут, при блеске газовых фонарей, а не внизу, под скрещивающимися, темными, душными сводами, найдет она чудо света, которое так жадно искала в эту короткую ночь своей жизни. Это чудо должно превосходить своим блеском все газовые фонари наверху, даже выплывший на небо полный месяц! Да, конечно, так! Она даже видит его перед собою!.. Что за блеск, какое сияние!.. Оно светилось, вспыхивало, манило к себе, как вечерняя звезда в небесах, как сама Венера!
Дриада увидела открытый иллюминованный вход в маленький сад, тоже весь залитый огнями. В саду раздавались звуки плясовых мотивов; вокруг маленьких тихих озер и прудов блестели яркой каймой газовые огоньки, в середине же красовались искусственные водяные растения из цветной фольги, и из чашечек их били в воздух водяные струи. Красивые плакучие ивы — настоящие ивы, в весеннем уборе — свешивали к воде свои свежие густые ветви, словно прозрачное зеленое покрывало. В кустах зажжен был костер, бросавший красный отблеск на маленькие, полутемные, безмолвные беседки, в которые врывались звуки щекочущей нервы, одуряющей, распаляющей кровь музыки.
Дриада увидела здесь молодых, красивых, нарядных, простодушно улыбавшихся, беззаботных и легкомысленных женщин, похожих на Марию, тоже с розами в волосах, но без колясок и жокеев. Как они неслись, кружились, сплетались в дикой пляске! Где голова, где ноги? Они кружились, словно укушенные тарантулом, смеялись, улыбались, готовы были в радостном упоении обнять весь мир.
Дриада почувствовала и себя увлеченной в этот вихрь танцев. Маленькую, изящную ножку ее охватывал шелковый башмачок темно-каштанового цвета, такая же лента спускалась с ее локонов на обнаженные плечи. Шелковое зеленое платье драпировалось на ней пышными складками, но не

скрывало очертаний изящных, стройных ног с прелестной ступней, которая как будто описывала в воздухе перед молодым кавалером магические круги.
Куда она попала? В волшебные сады Армиды? Как называлось это место?
Над входом огненными буквами красовалось:
«Mobille».
Звуки музыки, рукоплескания, треск ракет, журчание фонтанов и хлопанье пробок от бутылок шампанского — все сливалось в один общий гул. Пляска становилась все разнузданнее, и месяц проплывал над пляшущими, слегка отвернув лицо в сторону. На небе не было ни облачка; над Мабилем расстилалась прозрачная ясная синева — можно было в упоении пляски вообразить, что глядишь прямо в небо!
Пламенная, пожирающая жажда жизни охватила Дриаду; она была в каком-то чаду, словно приняла опиум.
Глаза ее блестели, губы шептали, но слова заглушались звуками флейт и скрипок. Кавалер ее тоже шептал ей что-то под звуки канканной музыки, но она не поняла его слов; не поймем их и мы. Но вот он протянул к ней руки и заключил в свои объятия лишь прозрачный, освещенный газом воздух.
Поток воздуха подхватил и унес Дриаду, как уносит лепесток розы. В вышине перед собой Дриада видела пламя, мерцающий огонек на высокой башне. То сиял маяк, указывавший ей путь к цели ее заветных желаний, огонек на башне Марсова поля; туда-то и понес ее весенний ветер. Она обогнула башню, и рабочие подумали, что это спускается на землю чересчур ранняя весенняя гостья-бабочка, которая скоро и погибнет.
Месяц сиял, сияли и все газовые рожки и фонари в огромных покоях и рассыпанных по полю постройках, собравшихся сюда из всех стран света. Ярким светом были залиты и холмы, покрытые дерном, и искусственные скалы, с которых низвергалась вода, приводимая в движение силою мастера Бескровного. Взорам открывались глубины соленых морей и пресных вод, царство рыб; зритель как будто опускался на дно глубокого пруда или в море в стеклянном водолазном колоколе. Вода напирала на толстые стеклянные стены со всех сторон. Саженные скользкие, похожие на гигантских угрей, на какие-то извивающиеся кишки, полипы плотно присосались ко дну. Тут же преспокойно разлеглась большущая задумчивая камбала; через нее переползал краб, похожий на огромного паука, а креветки быстро носились взад и вперед, точно морская моль или бабочки.
В пресных водах росли кувшинки, нарциссы и тростник. Золотые рыбки располагались рядами, словно рыжие коровки по лугу, повернув головки в одну сторону и разинув рты навстречу течению. Толстые, жирные лини глупо глазели сквозь стеклянные стены. Они знали, что они на парижской выставке, помнили, что совершили в бочках с водой ужасно трудное путешествие, ехали по железной дороге и страдали «сухопутной болезнью», как люди страдают на море морской. Они прибыли сюда, чтобы полюбоваться на выставку, и теперь любовались ею из своих собственных пресноводных или соленоводных лож. Смотрели они оттуда и на толпы людей, двигавшихся мимо них с утра до вечера. Все страны света выслали сюда своих представителей, чтобы старые лини и лещи да юркие окуни и обросшие мхом карпы могли составить себе понятие и высказать свое мнение об этой породе живых созданий.
— Это чешуйчатые твари! — сказала покрытая тиной килька. — Но они меняют чешую по несколько раз в день и издают ртом звуки, которые называют речью. Мы не меняем чешую так часто и объясняемся друг с другом гораздо проще: движением губ да таращением глаз. Мы во многом опередили людей!
— Плавать-то они все-таки выучились! — сказала маленькая пресноводная рыбка. — Я из

большого внутреннего озера; так вот там люди плавают в теплую погоду, но сначала снимают с себя чешуи! Плавать же их выучили лягушки — они тоже отталкиваются задними лапами и гребут передними, но недолго выдерживают. Они хотят походить на нас, да нет, шалишь! Бедные люди!
И рыбы таращили глаза, воображая, что толпа людей, которых они видели при ярком дневном свете, все еще двигается мимо; да, они были вполне уверены, что все еще видят тех же самых людей, которые, так сказать, впервые потрясли их зрительные нервы.
Маленький окунь, с красивой тигровой чешуей и завидно горбатой спиной, уверял, что «человечья тина» все еще тянется мимо — он отлично видел ее!
— Я тоже вижу ее, ясно вижу! — подхватил золотистый линь. — Я еще вижу и эту красивую, хорошо сложенную человеческую фигуру, длинноногую женщину, или как там ее зовут? У нее были такие же движущиеся уголки губ и горящие глаза, как у нас, два шара сзади и сложенный зонтик спереди, да еще бахрома из тины и разные побрякушки! Ей бы следовало поснимать с себя все это да ходить, как мы, как создала природа, вот тогда бы и она походила на почтенного линя — насколько вообще люди способны походить на нас!
— А куда девался тот человек-самец, которого тащили на удочке? Он сидел в тележке, в руках у него была бумага, чернила и перо, и он все записывал да отмечал что-то. Что он изображает?
Другие называли его репортером.
— Он все еще катается тут! — сказала обросшая мхом девица из породы карасей, поперхнувшаяся житейским опытом и потому несколько охрипшая. Она проглотила когда-то крючок и терпеливо носила его в горле до сих пор. — Репортер! — продолжала она. — Выражаясь проще, понятнее, по-рыбьи, это своего рода чернильная рыба между людьми.
Так-то судили да рядили рыбы. А в искусственном гроте раздавались удары молотка и пение рабочих; им приходилось пользоваться и ночным временем, чтобы поскорее довести дело до конца. Голоса их убаюкивали Дриаду в ее «сне в летнюю ночь». Она стояла тут же, в пещере, готовая опять улететь, исчезнуть.
— Да ведь это золотые рыбки! — сказала она, кивая им головой. — Так я все-таки увидала вас! Да, да, я знаю вас! Давно знаю! Мне рассказывала о вас на родине ласточка. Какие вы хорошенькие, блестящие, милые! Просто перецеловала бы вас всех до единой! Я и других знаю! Вот этот, верно, жирный карась, этот — вкусный лещ, а вот и старые обросшие мхом карпы! Я знаю вас всех! Вы же меня нет!
Рыбы глазели на нее в полумраке, не понимая ни слова.
Минута — и Дриады уже не было там; она опять очутилась на вольном воздухе, где «чудо света» — исполинский цветок распространял благоухание всевозможных стран земных: страны черного хлеба, побережья, где ловится треска, царства русской кожи, берегов кельнской воды и дальнего Востока, страны розового масла.
Возвращаясь домой с бала, мы еще ясно слышим в полудремоте звуки бальных мелодий; они как бы запечатлелись в нашем ухе, мы могли бы, кажется, спеть каждую; в зрачках убитого тоже, говорят, отпечатывается снимок того, кого видели его глаза в последний момент, — так вот, и выставка так же сохраняла еще отпечатки дневной суеты и шума; жизнь не замирала здесь окончательно; даже ночью Дриада угадывала ее и знала, что завтра все опять закипит, загремит здесь по-прежнему.
Она стояла среди благоухающих роз, в которых, казалось, узнала старых знакомок со своей родины — роз из дворцового парка и сада священника. Увидела она здесь и гранатовые цветы; такие же носила в своих черных кудрях Мария!
Воспоминания детства, мысли о родине мелькали в голове Дриады одни за другими, взор же ее упивался в это время дивным зрелищем выставки, лихорадочное беспокойство быстро гнало ее по

диковинным залам.
Наконец, она почувствовала усталость, и усталость эта усиливалась с каждой минутой. Дриаду манило отдохнуть на мягких, разбросанных тут восточных подушках и коврах или спуститься вместе с плакучими ивами к самой воде и погрузиться в ее глубину.
Но муха-поденка не знает покоя. Сутки кончались через несколько мгновений.
Мысли ее путались, она вся дрожала и бессильно опустилась на траву у журчащего источника.
— Ты вечно бьешь из земли живой струей! — сказала она воде. — Освежи же мой язык, утоли мою жажду!
— Я не живой родник! — ответила вода. — Меня приводит в движение машина.
— Поделись со мной своей свежестью, зеленая травка! — молила Дриада. — Дай мне хоть один из твоих душистых цветов!
— Мы умираем, если нас срывают! — ответили былинки и цветы.
— Поцелуй меня, свежий ветер! Дай мне хоть один твой животворный поцелуй!
— Скоро солнце поцелует облака, и они вспыхнут ярким румянцем! — сказал ветер. — И тогда — конец тебе, как придет в свое время конец и всему этому великолепию! Да, не минет и года, как я опять буду играть здесь, на площади, мягким, сыпучим песком, вздымать и крутить по земле пыль, прах! Все становится пылью, прахом!
Дриаду охватил страх, как женщину, которая перерезала себе в ванне сонную артерию и уже истекает кровью, но вдруг вновь проникается жаждой жизни. Она поднялась, сделала несколько шагов вперед и снова беспомощно опустилась на землю перед маленькой церковью. Дверь была открыта, на алтаре горели свечи, раздавались звуки органа.
Что за музыка! Ничего такого Дриада еще не слыхивала, и все же в этих звуках ей чудилось что-то родное, знакомое. Они выливались из глубины сердец всего сотворенного Богом. Дриада внимала в них и шелесту старого дуба, и голосу старого священника, который рассказывал о великих деяниях, называл великие имена, говорил о том, что могло, что должно дать грядущим поколениям Божье создание, чтобы стяжать себе жизнь вечную!
Звуки органа росли, гудели, пели:
«Твоя тоска, твои желания вырвали тебя с корнем из родной почвы! И вот ты погибла, бедная Дриада!»
Мягкие ласкающие звуки, рыдая, замерли в воздухе; занялась заря, ветер прошумел:
— Сгиньте, мертвые призраки! Солнце встает!
Первый луч упал на Дриаду. Образ ее загорелся радужным блеском, как мыльный пузырь, готовый лопнуть, исчезнуть, превратиться в каплю, слезу, упасть на землю и испариться!
Бедная Дриада! Она блеснула росинкой, скатилась слезой и исчезла!
Солнце осветило Фату-Моргану Марсова поля, огромный Париж, маленькую площадь, обсаженную деревьями, фонтан, высокие дома и каштановое деревце — увы! — увядшее, печально поникнувшее ветвями! А вчера еще оно было так свежо, полно жизни, как сама весна!
«Оно погибло, — говорили люди, — Дриада покинула его, исчезла, как облако, — неведомо куда!»
Сорванный увядший каштановый цветок лежал на земле; его не вернула бы теперь к жизни никакая живая вода! И люди скоро втоптали его в прах.
Все это случилось в действительности.
Мы сами были этому очевидцами во время всемирной парижской выставки 1867 года.
Да, наше время — сказочное, диковинное время!